

УДК 378.47

Стрелец М.В., Климович В.О.

СОВЕТСКАЯ ЦЕНзуРА КАК ФЕНОМЕН ТОТАЛИТАРИЗМА: ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТА

Введение. 15 августа 2015 года исполнилось 60 лет старшему научному сотруднику Центра по изучению диаспоры при Тель-Авивском университете Леониду Смиловицкому. На наш взгляд, пока нет работ, в которых была бы дана должная оценка вкладу юбиляра в постижение феномена тоталитаризма. Авторы попытались отрецензировать последнюю монографию израильского учёного и тем самым в известной степени восполнить этот пробел.

Цель работы. В настоящей публикации анализируется книга Леонида Смиловицкого «Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956» (Иерусалим, 2015. 360 с., 32 ил.), обложка которой представлена на рис. 1.

В названной монографии «предметом изучения стала цензура в СССР и ее влияние на все сферы жизни его граждан на примере Белорусской ССР» [1, с. 9].

Исходный пункт авторского исследования – междисциплинарное осмысление понятия “цензура”. Именно такой подход предопределил междисциплинарный характер монографии.

Израильский учёный чётко выявил соотношение цензуры и свободы слова. Об этом свидетельствует следующий пассаж: “Цензура и свобода слова находятся в постоянном противостоянии. Свобода слова означает право человека безбоязненно выражать свои мысли и чувства - как в устной, так и в письменной форме.... Когда свобода слова вступает в противоречие с правами других лиц, государство призвано эти отношения регулировать. Среди легитимных

целей этих ограничений числятся защита репутации и достоинства личности, национальной безопасности, общественного порядка, авторского права, здоровья и морали» [1, с. 9].

Регулятивная функция государства в области цензуры детерминруется господствующим политическим режимом. Формы, методы работы цензуры сильно отличаются в условиях тоталитарного, авторитарного, демократического режимов. Разумеется, качественную специфику конкретной цензурной системы может по-настоящему постичь лишь человек, который жил в условиях соответствующего политического режима. Леонид Смиловицкий – человек двух эпох. Он – свидетель тоталитаризма советской эпохи и подлинной демократии в Государстве Израиль, в условиях которой репатрианты из бывшего СССР переживали посттоталитарную эпоху в своей биографии. Как известно, всё познаётся в сравнении. Типологически несовместимые эпохи сравнивает ретроспектр, который отдалён от советской эпохи уже на четверть века, никак не связанный сейчас ментально с данной эпохой, но относящийся с симпатией к стране, в которой родился и вырос. В первом структурном компоненте монографии, называемом «От автора», читаем: «Настоящая книга никогда не была бы написана, если бы я продолжал жить в Беларуси и не уехал в Израиль. Получив образование, ученую степень и сделав первые шаги в науке в Минске, я полюбил эту страну. Однако только покинув пределы Беларуси, по-настоящему осмыслил ее историю, и не потому, что «большое видится на расстоянии». Объективное исследование возможно лишь тогда, когда автор не зависит от поли-

Рисунок 1

Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

Климович Вероника Олеговна, студентка третьего курса исторического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224016, г. Брест, бул. Космонавтов, 21.

тической конъюнктуры, сохраняет независимый подход к освещению событий, которые недавно стали достоянием историков. Меня убедили в этом неоднократные поездки в республику на протяжении последних 20 лет, встречи и общение с коллегами, с которыми я поддерживаю постоянную связь» [1, с. 10].

Реализуя историко-типологический метод, израильский учёный убедительно показывает, что «цензура в БССР вобрала в себя все характерные черты советской эпохи. С ее помощью государство сумело установить всеобъемлющий контроль над жизнью и общественным сознанием своих граждан» [1, с. 9].

Октябрьский переворот 1917 года, совершённый большевиками-ленинцами, маркировал качественные изменения в четырёхугольнике редактор-писатель-цензор-инстанция для обжалования решения цензора. Здесь были возможны два варианта, которые можно было схематически изобразить следующим образом:

Вариант А. [редактор+писатель] →х→ цензор→ инстанция для обжалования решения цензора

Вариант Б. [редактор+цензор] →х→ писатель

После октябрьского переворота был совершён переход от варианта А к варианту Б, от четырёхугольника к треугольнику.

«Если до революции редактор и писатель вместе боролись с цензором, то в новых условиях редактор-коммунист и цензор-коммунист сообща боролись с писателями, чтобы использовать их творчество в интересах диктатуры пролетариата. Советская цензура не признавала компромисса, а ее решения не подлежали обжалованию. Если до 1917 г. цензорские изъятия при печати отмечали многоточием, то при советской власти купюры в тексте никак не выделялись, и догадаться о них читателю было невозможно» [1, с. 17].

Конечно, советская модель тоталитаризма не была абсолютно застывшей системой, полностью лишённой каких-либо изменений. Л.Л. Смиловицкий одновременно обращает внимание на существование тех отрезков в советской истории, в которые происходили неформальные изменения в детерминируемой данной моделью цензурной политике. Так, читатель чётко сориентирован на то, что нет оснований отождествлять то положение, которое существовало в указанной сфере до и после Великой Отечественной войны. «Если до Великой Отечественной войны главная задача цензуры состояла в борьбе с внутренним врагом, то по ее окончании это место занял внешний враг в лице «международного империализма» как угроза сохранения режима личной власти Сталина» [1, с. 9]. Приведённый пассаж очень важен для адекватного понимания хронологических рамок исследования. В фокусе внимания историка события, которые происходили на протяжении 12 лет. В хронологическом плане стартовая точка приходится на 1944 год, а финальная – на 1956. Обоснование здесь такое. 1944 год – год освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков. 1956 год – время двадцатого съезда КПСС, когда наступила кульминация в хрущёвской оттепели.

Израильский учёный вновь верен своему правилу: брать в расчёт то, что было сделано до него. Очень ценно то, что он осваивает целину. «До сих пор отсутствуют аналитические труды, посвященные истории цензуры в БССР после Второй мировой войны. Монография является первым таким опытом, поскольку, наконец, появилась возможность проследить феномен цензуры по документам из фондов контрольных органов партии и государства» [1, с. 10].

Читатель получает чёткое представление о том, в каких условиях работали учёные, имевшие интерес к цензурной проблематике. При этом подчеркивается различие между советским и постсоветским периодами. «Тема цензуры почти полностью отсутствовала в советской историографии, поскольку до 1991 г. разрешалось изучать и публиковать преимущественно исследования дореволюционного периода. После распада Советского Союза события в kaleidoscope политической и внутриэкономической жизни страны ... быстро начали меняться... Все послевоенные годы зарубежные издания о цензуре были недоступны советскому читателю... В свою очередь, иностранные авторы, не имея доступа к архивам, опирались на воспоминания эмигрантов и рассказы немногих граждан западного мира, посетивших Советский Союз. Аркадий Гаев, который считался пионером темы о цензуре, не смог даже расшифровать аббревиатуру "Главлит" и ошибочно приписывал этой организации техническую роль в контроле над печатными изданиями» [1, с. 19].

В первой главе особое внимание автор уделяет работе Главлита-бела (Главного управления по делам литературы и издательств при Совете министров БССР). В главе описываются характерные особенности, которые произошли после войны и вызвали всеобщую эйфорию. Люди ждали перемен, но им оставалось только догадываться, что происходит в мире. Цензура продолжала обеспечивать изоляцию советского общества, как отмечает автор, от «тлетворного» влияния Запада. Особый интерес представляют данные, приведенные в таблицах, которые касаются тиража периодических изданий на белорусском и русском языках в БССР (1950–1955). Белорусский язык постепенно уступал свои позиции русскому. Так, если в 1950 году белорусскоязычных изданий было 62,45%, то в 1955 их количество уже снизилось до 37,83% [1, с. 34]. В данной главе автор также приводит принципы государственного контроля над печатными изданиями, которые должны пройти два этапа цензуры. Малейшее отступление могло привести к тому, что печатное издание могли запретить или конфисковать уже готовые экземпляры. Искусственные ограничения только осложняли работу с рукописями, делали издательский процесс громоздким и многоступенчатым.

Вторая глава монографии посвящена команде исполнителей организации работы Главлита. Каждый из цензоров давал подписку о неразглашении служебных сведений. Даже в кругу семьи им не разрешалось говорить о проделанной работе. Что касается материальной заинтересованности цензоров, как показывает автор, то она оставалась не высокой. Рядовой цензор имел оклад 600 руб. в месяц, в то время как, например школьная учительница получала больше чем в два раза – 1500 руб. [1, с. 54]. Обучение цензоров осуществлялось на рабочем месте, проводились семинары и совещания.

Впервые в исторической белорусистике исследован национальный аспект команды сотрудников цензуры. В этом аспекте прослежена определённая эволюция.

Реалии 1944–1948 г. таковы. «В первые годы после войны национальная принадлежность сотрудников Главлита не играла определяющей роли. Ценилась идеологическая преданность ... Цензорам надлежало иметь безупречное прошлое и быть верными идеалам партии ... В цензуру возвращались бывшие сотрудники, демобилизованные из ... армии, воевавшие и партизанских отрядах и подполье, находившиеся на политической, хозяйственной и административной работе в тылу. Если до войны евреи среди интеллигенции БССР, культурной, научной и технической элиты составляли от 30 до 40%, то неудивительно, что их доля в системе Главлитбела оказалась существенной. Главлит БССР возглавлял Феня (Фаина) Исааковна Дадюмова ... Евреями были начальники специальной (секретной) части Главлита, руководители Минского, Барановичского, Брестского, Гомельского обллитов и целая группа цензоров центрального аппарата Главлита, а также его областных и районных отделений» [1, с. 66]. «Указание национальности сотрудников цензуры в ежегодных отчетах Главлита, как и в других государственных учреждениях, носило обязательный характер» [1, с. 68].

Кампания по борьбе с безродными космополитами, стартовавшая в 1948 году, означала возведение антисемитизма в ранг государственной политики. «В конце 40-х годов ... был выбран курс с упором на права титульной нации в системе управления и контроля над обществом. Преимущество в республиканском Главлитбеле начали отдавать белорусам и русским ... Белорусы должны были доминировать на руководящих должностях, тогда как евреям позволялось демонстрировать деловые качества ... только на периферии» [1, с. 67–68]. Коммунистическая номенклатура стала активно задействовать соответствующие бюрократические рычаги. «Формальным условием для поступления в цензуру служила рекомендация райкома партии, которую евреям уже не давали независимо от образования, социального происхождения, профессиональных навыков, участия в войне или с учетом других заслуг перед государством. В результате национальный состав цензоров был унифицирован: теперь здесь работали исключительно белорусы и русские» [1, с. 73].

Несомненно, каждый человек того времени понимал, что все сферы жизни находятся под неусыпным контролем цензуры, но о масштабах ее мог знать лишь тот, кто осуществлял такого рода контроль. В этом отношении Л.Л. Смиловицкий сумел показать и передать мельчайшие подробности и нелепости, до которых доходили цензоры. Так, в третьей главе автор показывает, что под государ-

ственной тайной подразумевалось все, что могло угрожать жизнестойкости страны. В условиях подцензурной печати проявление критического мышления возможно было либо только при личном общении, либо при переписке. И здесь руководство страны, чтобы знать все оттенки общественного мнения, поставило под тайный контроль все формы конфиденциального обмена информацией. Так называемый «черный кабинет» находился в помещении каждого почтамта, на вокзалах или недалеко от них. Каждое письмо подлежало тщательной перлюстрации. Поразительно то, что существовал специальный химический анализ для выявления незамысловатой тайнописи. В спектр тайн попадали все военные вопросы.

Большое внимание цензура уделяла проблемам сельского хозяйства, т.к. после войны оно было отброшено далеко назад. В стране искусно скрывали истинное положение дел в деревне и призывали к улучшению урожайности. В категорию государственных секретов в обязательном порядке были включены вопросы, посвященные объектам промышленности и строительства, а именно: проблемы восстановления объектов народного хозяйства, промышленности двойного назначения (гражданского и военного), вопросы науки и техники, модернизации производства, железные дороги, водный транспорт и т.д.

Тотальный контроль цензуры заковывал слово в цепи путем пристального внимания за работой типографий, и четвертая глава – явное этому подтверждение. Цензура сопровождала весь процесс издания книги. Автору надлежало представлять рукопись в двух экземплярах с приложением всего иллюстративного материала (рисунков, таблиц, диаграмм, схем). Неумышленные ошибки и опечатки всегда были нежелательными спутниками корректоров, редакторов и цензоров. Во избежание таких случаев в редакциях газет всегда выделялся дежурный сотрудник, которого называли «свежая голова».

Пятая глава книги посвящена тайнам специальных хранилищ, доступ к которым был ограничен, знакомство с его фондами позволено только узкому кругу лиц. После войны в БССР насчитывалось шесть хранилищ изъятой печатной продукции. Внимание уделялось также проверкам библиотек, но стоит отметить, что особому осмотру подвергались библиотеки Западной Белоруссии, в которых цензура обнаружила значительное количество «буржуазно-националистической» литературы. Следует подчеркнуть, что литература на идише в Советском Союзе практически не пополнялась новыми творческими силами и была обречена на исчезновение с уходом из жизни последних пишущих авторов. Сталин верил, что любой еврей-националист и является агентом американской разведки.

Наиболее важные моменты, отраженные в шестой главе, таковы. После окончания войны у писателей, художников, ученых появилась возможность получить правдивую информацию о жизни за границей, возможность сравнивать. Естественно, власти пытались прервать любое общение с западным миром, дискредитировать западную культуру, превознося советские порядки. Следовательно, сфера культуры и искусства попадает под особый контроль. Например, в художественных произведениях не следовало обращать внимание на послевоенную неустроенность быта, жилищную проблему, нехватку продовольствия и товаров. Все больше давала о себе знать самоцензура, то есть авторы пытались предугадать возможные претензии, которые могла встретить рукопись. Как пишет Л.Л. Смиловицкий, по таким соображениям неоднократно вносил правки Якуб Колас. Мнение цензуры касалось и репертуара. Ее разрешение необходимо было иметь произведениям не только для взрослых, но и для детей. Так вредными были признаны книги К. Чуковского лишь на том основании, что дети не в состоянии разобраться в его шутках. Творческая несвобода и боязнь нарушить определенные правила вели к неизбежному кризису как в литературе, кинематографе, изобразительном искусстве, так и в других сферах культуры.

Седьмая глава посвящена цензуре в БССР в период частичной десталинизации. Внимание рецензентов привлекли такие моменты. Уже к середине 50-х годов общественное мнение оказалось почти подготовленным к переменам, которые и последовали после смерти Сталина. Перемены коснулись в первую очередь и литературы. Так, в фонды библиотек были переданы труды М.И. Калинина, А.И. Рыкова, Ф. Войткова, Н. Гикало, а также научное наследие профессора М.В. Довнар-Запольского. Гриф секретности сняли с методической литературы, учебников, брошюр. Возврату подлежала и еврейская

литература. В целом реабилитация книги снимала многие болезненные вопросы, помогала разрешить накопившиеся противоречия, позволяла обществу вздохнуть и начать новый этап.

Можно считать обоснованным вывод израильского учёного: «Закат советской цензуры ... предопределил распад государства, которое надорвалось под грузом собственных проблем (экономических, социальных, культурных, научных, национальных, военных, экологических). Ликвидация цензуры сняла многочисленные путы, раскрыла мнимые секреты, отменила надуманные ограничения, позволила вслух заявить о существующих проблемах и исторической несправедливости в отношении целых народов и искать пути решения проблем. Отказ от цензуры позволил новым государствам, появившимся на постсоветском пространстве, быть принятыми в международное сообщество» [1, с. 288].

Одним из результатов значительной аналитической работы Л.Л. Смиловицкого явились 23 таблицы статистических данных, составленные автором по отдельным регионам, как и в целом по республике [1, с. 39, 40, 52, 61, 63, 65, 67, 68, 119, 120, 135, 136, 173, 196, 198, 227, 241, 243, 246–247, 259, 264, 270, 280–281].

Несомненную ценность представляют не входящие в содержательную часть структурные компоненты монографии.

Первый среди подобных компонентов – архивные источники [1, с.289–291], которые делятся на два субкомпонента: белорусский [1, с.289–291] и российский [1, с. 291]. Первый субкомпонент представлен 14 фондами Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), 10 фондами Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства (БГАМЛИ), уголовно-следственными делами на еврейских писателей, поэтов, деятелей культуры и науки Центрального архива Комитета государственной безопасности в Минске (ЦА КГБ РБ). Содержательную сторону второго субкомпонента составляют три фонда Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), 1 фонд Архива Президента Российской Федерации (АПРФ), 1 фонд Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), 1 фонд Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

Библиографический компонент [1, с. 292–299] содержит 73 книги и монографии [1, с. 292–294], 26 сборников документов [с. 294–295], 8 статистических сборников [1, с. 296], 58 статей [1, с. 296–299], 8 авторефератов диссертаций на соискание учёной степени кандидата исторических наук [1, с. 299], 7 сборников материалов конференций. В монографическом субкомпоненте представительство англоязычных монографий составляет 20, 4%. В этом субкомпоненте упомянуты две монографии автора. Удельный вес публикаций Л.Л. Смиловицкого в статейном субкомпоненте равен 12%. Из 10 англоязычных статей 4 написаны им. Обращают также на себя внимание следующие моменты. Все конференции по истории цензуры проходили в России с 1991 по 2012 гг. Диссертации по подобной тематике защищались либо в России (6), либо в Украине (2) с 1995 по 2010 гг.

В книге имеется 39 приложений [с. 301–340]. Первые 18 образуют группу эксклюзивных документов, которые в основном имели гриф «Секретно» и «Строго секретно» [1, с. 301–312]. Приложения 19–35 представляют собой «Списки произведений с резолюцией Главлита» [с. 312–329]. Из них приложения 31, 32, 34, 35 составлены автором по материалам БГАМЛИ. Приложение 36 – это библиографический указатель руководителей цензуры [1, с. 329–331]. В силу отсутствия ряда данных на момент написания книги он оказался неполным. У пяти лиц отсутствует год смерти, по одному лицу почти отсутствуют факты биографического характера. Приложения 37 и 38 относятся сугубо к периодическим печатным изданиям, издательствам и информагентствам. Их составил Л.Л. Смиловицкий по материалам «Летописи печати БССР», Минск, 1946–1957. В приложении 37 дан перечень периодических печатных изданий, издательств и информагентств [1, с. 332–333], в приложении 38 – цензорские шифры периодических изданий БССР (1944–1956 гг.) [1, с. 333–335].

В архитектонику приложений органически вошло приложение 39 под названием «Афоризмы, цитаты, крылатые фразы и выражения о цензуре» [1, с. 336–340]. Все они стоят того, чтобы быть воспроизведенными. Мы же остановимся на самом сильном выражении. Оно принадлежит Марксу. Основоположник научного коммунизма заявлял буквально следующее: «Цензура – шарлатан, вгоняющий сыпь вовнутрь, не заботясь о том, что она может паразитировать весь организм».

Цензура не уничтожает борьбы мнений, а превращает ее из открытой в тайную, действует не острым ножом разума, а тупыми ножицами произвола» [1, с. 338]. Как видим, большевики-ленинцы, считая себя учениками Маркса, фактически поступали вопреки Марксу.

Для удобства пользования в монографии имеются Список сокращений [1, с. 341–343], Именной указатель 1, [с. 344–356], Географический указатель [1, с. 357–359]. И список, и указатели получились исчерпывающими.

Заключительный структурный компонент монографии – иллюстрации [с. 360–392]. Самое ценное в этом компоненте – факсимиле ряда важных, почерпнутых из архивов документов, из которых пять имели гриф «Секретно». Наибольшее эмоциональное воздействие производит последнее факсимиле документа [1, с. 392]. Его библиографическое описание таково: «Об изъятии из библиотек общественного пользования и книготорговой сети произведений еврейских авторов: Приказ уполномоченного СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати К.Омельченко от 6 июня 1949 г., Москва. Секретно (НАРБ, ф. 1195. оп. 2, д. 18, л. 66)». Вызывают немалый интерес факсимиле служебных удостоверений цензоров и их руководителей, плакаты, призывающие к бдительности, скульптурные композиции советских вождей из музея-мастерской З.И. Азгура, сделанные автором в Минске в наши дни.

Книга издана в Иерусалиме на русском, а не на иврите или на английском, что облегчает белорусскому читателю знакомство с ней. Труд израильского учёного доступен в Беларуси. По инициативе автора настоящая монография была разослана им во все ведущие библиотеки республики, включая Национальную библиотеку Беларуси, Президентскую библиотеку, Фундаментальную библиотеку Национальной академии наук Беларуси, Белгосуниверситет, Университет культуры и все областные библиотеки республики. Несмотря на это, с огорчением приходится отметить, что исторический истеблишмент Беларуси «не заметил» монографию Л.Л. Смиловицкого, сделав вид, что ничего не произошло. Настоящая рецензия является первой попыткой дать оценку труду нашего земляка на академическом уровне.

Конечно, идеальных книг не бывает и рецензируемое издание не является исключением. Если автор задумает второе издание книги,

то было бы неплохо учесть следующие замечания и пожелания рецензентов.

Во-первых, сфокусировав своё внимание на цензурной политике Советской Беларуси с 1944 по 1956 г., автор просто обязан был всесторонне показать ментальные особенности населения данного субъекта советской федерации. Этого сделано не было. Поэтому Леониду Смиловицкому не удалось удовлетворить интерес проницательного читателя в достаточно полном выявлении отличия положения в области цензуры в БССР от соответствующего положения в других субъектах советской федерации.

Во-вторых, автор только констатирует наличие самоцензуры и не приводит конкретные примеры. Явно напрашивается целая глава, в которую были бы собраны подобные примеры. Важно показать на конкретных фактах, что стоит за выражением «злов язык», что означает «читать между строк».

В-третьих, в композицию книги органически вписались бы специальные параграфы, посвящённые эволюции цензурной политики на примерах конкретных субъектов хозяйствования, социально-культурных учреждений, деятелей науки и культуры. Название одного из подобных параграфов могло быть сформулировано так: «Эволюция цензурной политики Советской Беларуси на примере Заира Азгура».

Вместе с тем эти замечания и пожелания никак не противоречат очень высокой оценке книги со стороны рецензентов.

Заключение. Таким образом, израильский учёный Леонид Смиловицкий впервые в исторической белорусистике провёл комплексный анализ цензурной политики Советской Белоруссии с 1944 по 1956 гг. при руководящей и направляющей роли КПСС. В композиции книги центральное место отводится соотношению тоталитаризма и цензуры с опорой на принцип историзма. Это позволило автору изучить специфику цензурной политики в БССР как в сталинскую эпоху, так и в период частичной десталинизации.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Смиловицкий, Леонид. Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956 / Леонид Смиловицкий. – Иерусалим, 2015. – 360 с., 32 ил.

Материал поступил в редакцию 09.10.15

STRELEZ M.V., KLIMOVICH V.O. Soviet Censorship as a Phenomenon of Totalitarianism: the Attempt of Creating a Portrait

The book by Leonid Smilovitsky *Censorship in Postwar Byelorussia: 1944–1956* has been published this year (2015) in Jerusalem. The paper focuses on the novelty of the book which lies in the fact that as yet, there has been no analytical research dealing with the history of censorship in the BSSR after the Second World War. The author of the monograph presented has revealed the forms, methods and distinguishing features of censorship such as ideological, state, military, economic and departmental; has illustrated specific features of the work of the agents of the General Directorate for the Protection of Military and State Secrets in the Press Bureau attached to the BSSR Council of Ministers, who acted in close collaboration with the Central Committee of the Communist Party of Belorussia and the Ministry of State Security. A detailed analysis of the book is also presented.

УДК 328.181

Харитонович С.С.

КРАУДСОРСИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА: К НОВЫМ ФОРМАМ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Информационная технологическая революция, произошедшая на рубеже тысячелетий, преопределила трансформацию многих традиционных социальных институтов. И если экономическая подсистема моментально отреагировала на открывшиеся бизнес-возможности, то в политике не спешили ликовать в связи с появлением Интернета и автономных от государства сетевых сообществ. Политические элиты никак не могли выработать однозначной оценки происходящего. С одной стороны, Интернет-ресурсы было сложно, а порой, и невозможно подвергать цензуре, в отличие от всех типов классических СМИ, таких как пресса, радио и телевидение, с другой стороны, отключить граждан от всемирной паутины означало обречь

собственные страны на информационную, экономическую и политическую изоляцию. «Поскольку Интернет сначала развивался стихийно, то только на этапе превращения его в глобальную сеть государства стали проявлять интерес к его функционированию. По признанию Тима Бернерса-Ли, (британского учёного, изобретателя протоколов URL, HTTP, HTML) [1] «мы не смогли бы сделать ничего подобного, если бы это с самого начала находилось под контролем государства» [2]. Через некоторое время государственные институты были вынуждены осваиваться в виртуальном пространстве. Сперва они завели аккаунты и собственные сайты, которые по посещаемости и сегодня значительно уступают тем же соци-

Харитонович С.С., ст. преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.
Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.